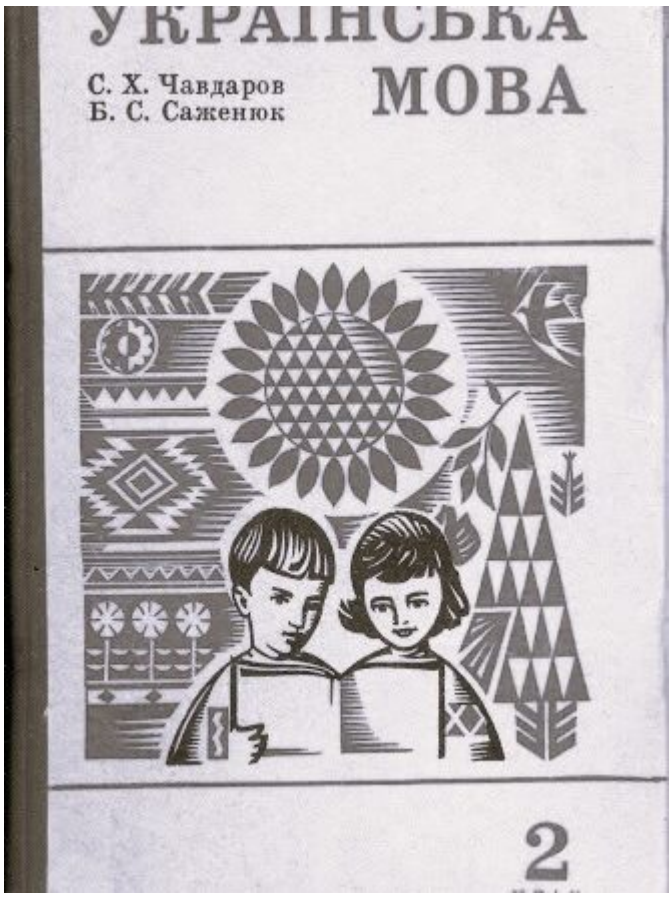
Часть 1. Украинский язык и не только

Учебник украинского языка для 2-го класса русских школ, 1946 г.

Учительница украинского языка Александра Петровна Жукова

Быстро промчались мои первые в жизни летние каникулы, пришел сентябрь, и надо было снова садиться за парту. За летние месяцы в нашей школе сделали косметический ремонт, подновили мебель, в классах и коридорах еще стоял запах краски. С первого же дня нас, второклассников, ожидал сюрприз: у нас появился новый учебный предмет – украинский язык, хотя, напоминаю, 82-я школа была русская. При этом вести новый предмет стала не наша классная руководительница Клавдия Александровна, а новая учительница – Александра Петровна Жукова. Открывается дверь класса, и в него входит довольно полная, уже немолодая, дама, которая представляется сразу на украинском языке: «Доброго ранку, дітки! Мене звуть Леся Петрівна, я у вас буду викладати українську мову…».

Припоминаю, что наши первые шаги в украинском языке начались с изучения слов, в которых были сочетания звуков, редко используемые в русском языке – «дз» и «дж», но широко применяемые в украинском – гудзик, дзвіночок, джерело, джміль, дзиґа, бджьола и т.д. И снова была проблема: не успели завезти в школы учебники по укранскому языку для русских школ. Так что для выполнения домашних заданий как раз по теме «дж» и «дз» недели две пришлось ходить в детскую библиотеку на улице Каразина, хоть и недалеко от школы, но, тем не менее, это было неудобно. Тем временем среди учеников стала гулять веселая песенка: «І шумить, і гуде / Леся Пе’трівна іде…»

Улица Каразина, 16. Бывший особняк.Автор не известен. Дом построен в начале XX века

Здание детской районной библиотеки на ул. Каразина, 16 в Харькове

Таким образом, уже со второго класса у нас было несколько учителей, что бывало нечасто в начальной школе в те годы. Так, по русскому языку и арифметике у нас была Клавдия Александровна, по украинскому языку – Александра Петровна, ещё были учителя по физкультуре и по английскому языку (факультативно).

Немного отвлекусь от основной темы повествования с тем, чтобы поделиться с читателями некоторыми мыслями по поводу изучения украинского языка в школах украинского города Харькова, хотя, в основном, и русскоязычном, но, между прочим, первой столицы советской Украины. Когда в школе уже учился мой сын Александр (в конце 1960-х – начале 1970 гг.), то родители учеников очень легко могли освободить своего ребёнка от изучения украинского языка (по

причине слабого здоровья или вообще без серьёзной причины). В «наше» время такое было абсолютно невозможным, но, тем не менее, я с большой благодарностью вспоминаю наших учителей «мовы», этого прекрасного, красивого, звучного языка! И нашу первую учительницу украинского Лесю Петривну Жукову, которая была у нас со 2-го по 4-й классы, и Рахиль Павловну Попову (5-10 классы). Как они нас «гоняли», сколько надо было учить наизусть стихов и прозы! И как учить! Ведь помню до сих пор, к примеру, отрывок из повести классика украинской литературы Михаила Коцюбинского „Fata morgana“:

Почтовая марка СССР с портретом украинского писателя М.Коцюбинского, 1964 г.

> «Ідуть дощі. Холодні осінні тумани клубочаться угорі і спускають на землю мокрі коси. Пливе у сірій безвісті нудьга, пливе безнадія, і стиха хлипає сум. Плачуть голі дерева, плачуть солом’яні стріхи, вмивається сльозами убога земля і не знає, коли осміхнеться. Сірі дні зміняють темнії ночі. Де небо? Де сонце? Міріади дрібних крапель…» и т.д. Очень красиво, поэтично и почти всё понятно без перевода, не правда ли? Тем не менее, для тех, кто не владеет украинским языком, переведу этот прекрасный отрывок: «Идут дожди. Холодные осенние туманы клубятся вверху и спускают на землю мокрые косы. Плывёт в серой безвести скука, плывет безнадежность, и вполголоса всхлипывает печаль. Плачут голые деревья, плачут соломенные крыши, умывается слезами нищая земля и не знает, когда улыбнется. Серые дни сменяются темными ночами. Где небо? Где солнце? Мириады мелких капель…»

Как призывал нас русский поэт Владимир Маяковский, *„Разучите эту мову на знамёнах – лексиконах алых / Эта мова величава и проста / Чуешь сурмы загралы / Час розплаты настав!“*

С украинским языком связано и воспоминание о моём однокласснике, гениальном математике, несколько лет сидевшем со мной за одной партой, Виталии Васильковском. Я обязательно ещё расскажу о нем позже. Он, к сожалению, трагически погиб в горах, будучи уже студентом физмата Университета. Вот, у него была феноменальная фотографическая память! Я тоже в детстве не страдал отсутствием памяти, но на меня производило впечатление умение «Васи» (такая у него была кличка) за пять минут до вызова к доске, пока учитель открывает классный журнал и делает перекличку, выучивать наизусть длиннющие стихи или куски прозы. Как сейчас вижу, как он на моих глазах выучил и на пятёрку прочитал наизусть нашей «украинке» Рахили Павловне стихотворение Владимира Сосюры «Зима»: „Вийшли вранці ми / Дивне місто проти сонця / Всі взолочені віконця / Ні, такої ще зими /Не видали ми…“

Мой одноклассник Виталий Васильковский (1939-1958)

Почтовая марка Украины к 100-летию со дня рождения поэта В.Сосюры, 1998 г.

Я ничего не хочу сказать о поэтической стороне этого стихотворения классика украинской советской поэзии, речь сейчас не об этом. Не знаю, помнил бы Виталий, будь он жив, сегодня эти стихи при его «экспресс-методе» заучивания, но я их и множество другого запомнил, как видите, на всю жизнь, потому что учил «по-настоящему» – на ночь, с повторением утром.

Значок с флагом независимой Украины, 1993 г.

Забегая немного вперёд, хотел бы рассказать читателями ещё один эпизод, связанный с украинским языком, вернее, с «украинизацией» Украины после приобретения ею независимости после распада СССР. Уже перед отъездом на ПМЖ в Германию, работая в Харьковском политехническом институте уже последний учебный год (1994-95гг.), надо было всю учебную документацию кафедры перевести на украинский язык – методички, учебные планы, программы и т.д. На нашей кафедре, хотя по списочному составу там было более 50% украинцев, а ещё около 30% – заканчивали школы в Украине, никто не мог справиться с этой задачей, ибо не знали украинский язык настолько, чтобы грамотно излагать свои мысли без «русизмов» и писать без ошибок. Кстати, всё это относилось и к заведующему кафедрой, украинцу по паспорту и по факту. Исключение составляли только два „нацмена“ – ваш покорный слуга и туркмен (правда, харьковский) Арслан-Курбан Мурадович Эйям-Бердыев, которым эта работа оказалась по плечу. Правда, тогда ещё не требовалось читать студентам лекции, вести практические занятия и лабораторные работы на украинском, как это произошло позже.

К сожалению, у меня сохранилось очень мало фотографий, относящихся к учебе в начальных классах школы. Тем не менее, с одной из них я хотел бы познакомить читателей. Этот снимок – исторический документ, которому уже без малого 80 лет. И, рассматривая его, можно многое узнать и понять, в частности, как выглядили и кем были ученики второго класса школы №82 Кагановичского района (был такой, но потом переименованный в Киевский) города Харькова во втором

послевоенном году. Итак, апрель 1947 года, что зафиксировано на классной доске, 2«б» класс 82 МСШ.

Общая фотография 2-го класса «б» 82 МСШ, Харьков, апрель 1947 г.

Общее впечатление: очень много семитских лиц, и это не удивительно. Дело в том, что в центральной части Харькова (историческое название – Нагорный район), где была расположена наша школа, всегда проживало много евреев. Естественно, что когда дети из этих семей пошли в школу, то и в классах евреи оказались в большинстве или, по крайнем мере, составляли не менее половины. Только перечисление фамилий учеников, изображенных на этой, к сожалению, нерезкой, фотографии, говорит само за себя. Судите сами: Варон, Волнянский, Гарбер, Гейер, Гендельман, Заир-Бек, Иоселев, Кац, Красуцкий, Маргулис, Нисенгольц, Оберталлер, Пицерман, Радвинский, Райзман, Синельников, Сухоцкий, Тагамлик, Теплицкий, Фрайберг, Хельбин, Эпельбаум, Яцкевич, т.е. во втором классе почти 80% моих одноклассников были евреями. Именно по этой причине за все десять лет учёбы в школе я не припомню ни одного случая проявления явного антисемитизма. Да это практически было и невозможно, ибо «обидчик» тут же бы получил достойный отпор, а драться в нашей школе умели хорошо! Забегая немного вперёд, отмечу, что и среди наших учителей евреи составляли большинство, что тоже сказывалось на ситуацию, но об этом позже. Конечно, на улице, во дворе, на катке было иначе: антисемитов на одного еврейского

мальчика хватало.

А ещё внимательный читатель наверняка обратил внимание на необыкновенную «затрапезность» внешнего вида моих одноклассников. Конечно, стрижка, как тогда говорили, «под ноль», тоже способствовала более, чем скромному внешнему виду учеников. Кстати, мальчики должны были носить такую «прическу» по седьмой класс включительно. Никакой школьной формы, одинаковой для всех, тогда, по понятным причинам, не существовало. Поэтому родители одевали свих сыновей кто во что гаразд. Поскольку тогда в магазинах купить одежду было очень сложно, каждая семья сама должна была искать и находить выход из положения. Кто-то перешивал из старых отцовских брюк и рубах «наряд» для сына, кто-то находил штаны или курточку на барахолке, кому-то доставалась «одёжка» от старшего брата. И, тем не менее, социальное расслоение было явственно видно: у одного отец работал директором фабрики, у другого – отца не было, а мать была профессиональной нищенкой. И такое бывало…

Журнал «Мурзилка» №1 за 1947 г.

Сразу же после войны отец стал собирать домашнюю библиотеку, постоянно пополняя её книгами русской и зарубежной классики, а также произведениями советских авторов. Кроме того, он выписывал много периодических изданий: центральные газеты «Известия» и «Советское искусство», местные газеты «Красное знамя» и «Соціалістична Харківщина», журнал «Театр», а для меня – детский журнал «Мурзилка», который мне очень нравился. В частности, там печатали симпатичные детские стихи, тексты песенок, простые скороговорки. Несколько скороговорок я запомнил на всю жизнь. «Променяла Парасковья карася / На три пары чистокровных поросят / Побежали поросята по росе / Простудились

поросята, да не все». Или такую: «Собирала Маргарита маргаритки на горе / Растеряла Маргарита маргаритки во дворе». Запомнилась и смешная иллюстрации к этой скороговорке: девочка убегает от агрессивного козла, теряя цветы из собранного букета.

*****

Автор: Якуб Заир-Бек
фотографии из личного архива автора
(продолжение следует)

Все части цикла очерков „По волнам моей памяти…“